

бой бесконечное множество неверующих народов, которым не было и числа и которые могли покрыть собой всю земную поверхность. С кибитками и лошадьми, с вьючным и домашним скотом сатрап со всем великолепием приблизился к пределам империи (то есть Восточной), подчиняя своей власти все встречавшееся на пути: деревни, селения и даже города, окруженные стенами, и самые укрепленные места. Никто не оказывал сопротивления, никто не старался преграждать пути и не думал бороться за свою жизнь, жену, детей и – что всего дороже – за свободу. Между тем императора известили об угрожающем мече, о приближающемся насилии, о вражеской армии, опустошающей христианскую империю. Заботясь о безопасности государства, император приготавливает отряд конницы, собирает пехоту в числе, соответствующем угрожающей опасности и средствам империи. Когда пехота и конница собрались, император двинулся навстречу неприятелю; а турки уже перешли границу и вошли внутрь государства. Падеясь на свою силу, но лишенный Божественной благодати, Роман вступает в бой. С обеих сторон дерутся отважно; силы почти равные, но христиане оказывают большую ярость, какую обыкновенно внушает ревность к вере и соболезнование о совершенном святотатстве. Впрочем, к чему говорить много об этом?! Христианская армия поражена, ряды верных опрокинуты, кровь, искупленная кровью Христа, льется под мечом нечестивых, и, что всего хуже, император в плену. Спасенные от поражения возвращаются поодиночке и рассказывают о бедствии. Все, узнав о том, приходят в отчаяние, предаются печали и не надеются ни на жизнь, ни на спасение. Между тем поверный, торжествуя такой успех и гордясь своей победой, повелевает представить себе императора. Для унижения имени и веры христиан он садится на трон и требует, чтобы пленник распростерся у его ног; тело императора служит ему ступенью, когда он всходит и спускается с престола в присутствии своих князей. Цепой такого унижения император покупает себе свободу и позволение удалиться вместе с несколькими вельможами,

разделявшими его плен. По князья империи, узнав о случившемся, поставили себе другого императора, полагая, что тот, кто перенес лично те унижения, не может достойно носить скипетр и пользоваться верховным сапом; даже выкололи ему глаза и подвергли поруганию, едва дозволить жить частным человеком. С того времени вышеупомянутый враждебный князь, не встречая сопротивления, занял все страны, Лаодикиею в Сирии и до Геллеспонта, омывающего стены Константинополя, на пространстве 30 дней пути в длину, и от 10 до 15 – в ширину, вместе с городами и селениями, а жителей пополнил: «Предал их Господь в руки врага, и овладели ими ненавидящие их (Исаи., CV, 39)». Между такими городами подчинился последним из всех город – самый благородный, правивший многими провинциями, главный город, первопрестольный город князя апостолов, и сделался податным рабом (то есть Антиохия). Вследствие такого вторжения, в руки победителя достались Келесирия, обе Киликии, Исаврия, Памфилия, Ликия, Писидия, Ликаония, Каппадокия, Галатия, оба Попта, Вифиния и часть Малой Азии, знаменитые провинции, богатые всяким добром и населенные народом верных; люди отведены в плен, церкви разрушены и дух истребления преследует христианское богопочитание. Если бы неприятель имел в своем распоряжении корабли, то, конечно, и Константинополь не ушел бы от них; успехи турок навели такой страх на греков, что они не смели полагаться на защиту стен; даже море, отделявшее их от завоевателей, не казалось им достаточным ручательством.

Все эти события и бедствия, следовавшие за ним, довершили страдания верных, обитавших в Иерусалиме и его окрестностях, и повергли их в бездну отчаяния. Пока благоденствовала империя, как я заметил то выше, императорский дом не переставал оказывать им помощь среди их бедствий; хорошее положение империи, нетронутой ни с которой стороны, цветущее состояние соседних городов и в особенности Антиохии поддерживало в них надежду рано или поздно возвратит себе свободу. Теперь же подавленные и собственными несчастьями, и несчастьями своих соседей, убитые